

Маршак Самуил
Яковлевич

(ИЧЧ) 11.02.

Дедушка

КОГДА Я УЧИЛСЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ, ОКНА нашей классной комнаты выходили во двор большого московского дома по улице Чкалова. Дом этот и по сей час стоит на своём месте, по-прежнему облеплен мемориальными досками в честь знатных жильцов – лётчика Чкалова, художника Юона...

Одна из досок установлена в память Самуила Яковлевича Маршака.

Я видел только окна его квартиры. Самого Маршака ни разу не лицезрел. В гости к "дедушке Маршаку" нас не водили – он не любил посетителей, особенно шумных и бестолковых маленьких детей, для которых, по иронии судьбы, всю жизнь писал.

Александров. – 2002 – (ИЧЧ) изд. – с 30 – 31

Я едва начал постигать бездну школьной премудрости, а Маршак вступил в последний год своей жизни. Моя детская память удержала лицо молодого человека, стоявшего в толпе скорбных зевак у маршаковского подъезда, – а через двадцать лет я узнал этого, уже не очень молодого, человека в нынешнем телемэтре Владимире Познере. Юный Познер, как выяснилось, недолго работал у Маршака литературным секретарём. Уволиться его заставило бытовое обстоятельство: Самуил Яковлевич был человек прижимистый...

"Пока не требует поэта к священной жертве телефон..." – ворчал Маршак по поводу частых звонков. Дома он обычно сидел в покойных креслах, едва видимый сквозь слои табачного дыма – курил захлёб. Работал частыми недолгими приступами,

отдыхал, листал книги, вновь брался за перо. Пишущую машинку ненавидел лютой ненавистью.

Маршак был, как говорится, с разными разными. Поднялся из низов, очень ценил свою репутацию и

Александров. – 2002 – (ИЧЧ) изд. – с 30 – 31.

литературный вес, никогда не фрондировал, не разбрасывался покровительством. Свой успех он нёс, как хрустальную вазу.

И не было, наверное, советского ребёнка, не знавшего стихи Маршака – "Вот какой рассеянный", "Повесть о неизвестном герое", "Детки в клетке", "Мистер Твистер"...

Пророчески звучат строки "Мистера Твистера":

А в зеркалах, друг на друга похожие,
Шли чернокожие, шли чернокожие...

Там, где сдают номера чернокожим,
Мы ни минуты остаться не можем!

Что сказал бы Самуил Яковлевич, узнав о нынешней перемене окончания в слове "чернокожие"?

Андрей Кротков